

государственного регулирования. Этот этап можно назвать этапом системной реструктуризации, потому что он характеризуется формированием корпоративных интеграционных связей со странами не только бывшего СССР, но и странами дальнего зарубежья. Кроме того, должна проводится системная концентрация и централизация производства с целью повышения эффективности функционирования всего хозяйственного механизма.

Исследование структурных изменений в отраслях целесообразно проводить на основе разработанной в масштабах государства модели рациональной структуры промышленного комплекса. В рамках этой модели все структурообразующие факторы необходимо разделить на две группы: интенсивные и экстенсивные, потому что эффективность производства зависит от соотношения показателей этих факторов, на которые

необходимо ориентироваться при проведении государственной промышленной политики в условиях структурного кризиса экономики.

Список литературы

1. Арцишевский Л. Райзберг Б. Проблемы структурной перестройки экономики // Экономист. – 2000. – №1. – С.47-52.
2. Дорогов Н., Сыдорищев Е. Системное управление экономикой региона // Журнал для акционеров. – 2001. – №6. – С.6-11.
3. Хруцкий Е. Рыночные системы и варианты структурной перестройки в промышленности // Экономические науки. – 1992. – №1. – С.75-81.
4. Хруцкий Е. Рыночные системы и варианты структурной перестройки в промышленности // Экономические науки. – 1992. – №2. – С.72-75.

Н.Г. КАПТУРЕНКО, кандидат экономических наук, доцент
зав. кафедрой международной экономики
Донецкого государственного института искусственного интеллекта

УКРАИНСКАЯ КОРРУПЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ ПОЛИТИКО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Нет ни одной экономической и социально-политической системы, обладающей полным иммунитетом против коррупции. Признание этого факта отнюдь не означает признания тщетности усилий, направленных на борьбу с коррупцией. Принципиальной следует считать постановку вопроса: полное искоренение коррупции или эффективное противодействие ей? Задача полного искоренения коррупции неразрешима, что признается серьезными исследователями [1, 68], но не всегда доходит до сознания политических деятелей, делающих громкие заявления или творцов отдельных нормативно-правовых актов. Ведь

недостижимая цель сама себя дискредитирует и дезорганизует исполнителей.

Мы убеждены, что фундаментальным основанием построения системы противодействия коррупции должна стать деятельность по устранению условий, коррупцию порождающих. Эффективность же этой деятельности во многом будет зависеть от соответствующего научного осмысления.

Нынешнюю ситуацию можно оценить как парадоксальную: с одной стороны признается определенная “заезженность” темы коррупции – в мире написаны горы фундаментальных книг и

© Н.Г. Каптуренко, 2002

статей, проведены сотни содержательных международных и национальных конференций, парламентских слушаний и “круглых столов”, разработаны конвенции и рекомендации [2, 99]; с другой же стороны, надлежит признать правоту тех, кто указывает на низкий уровень научного исследования проблем коррупции в Украине [3, 3-5]. На этом фоне особенно задолжавшей следует признать отечественную экономическую науку.

Между тем экономическая составляющая исследуемой проблемы масштабна и разнообразна. Нужно рассматривать экономические причины и экономические условия коррупции, экономические последствия и экономическую эффективность борьбы с ней.

В настоящей статье мы исходим из того, что коррупция – это злоупотребление государственной властью для получения выгоды в личных целях, в целях третьих лиц или групп. Это краткое и емкое определение коррупции уже достаточно длительное время используется в документах ООН и Совета Европы и из него видно, что коррупция выходит за пределы взяточничества. Например, положения Статей второй главы Конвенции о коррупции в контексте уголовного права от 27 января 1999 года предусматривают, что каждая страна, ставшая Стороной Конвенции, должна предпринять “такие законодательные и другие мероприятия, которые могут быть необходимыми для признания в своем национальном законодательстве в качестве уголовного правонарушения” целого ряда действий, характеризующихся как коррупционные, а именно:

умышленное обещание, предложение или предоставление каким-либо лицом прямо или опосредовано какой-либо неправомерной выгоды любому государственному должностному лицу с целью заинтересовать его в исполнении или неисполнении предоставленных ему полномочий;

вымогательство или получение государственным должностным лицом указанной выгоды;

подобные действия, совершенные с участием руководящих работников частных предприятий;

посредничество в совершении указанных действий;

искажение бухгалтерской отчетности, которая позволяет скрыть перечисленные правонарушения;

помощь в совершении или подстрекательство к совершению перечисленных правонарушений. [4].

Обращаясь к экономическим проблемам коррупции мы не будем касаться экономического вреда, причиняемого коррупцией и оценок экономического эффекта борьбы с нею. Сосредоточимся на экономических причинах и условиях.

Украинская коррупция возникла не на пустом месте и не является лишь следствием трансформационных процессов последнего десятилетия. Сверхмощный коррупционный потенциал был сформирован советской хозяйственной системой и, в первую очередь, самой природой отношений собственности.

Усилиями политической экономии и других социальных наук в советском обществе многими десятилетиями утверждалось представление о государственной собственности как общественной. Между тем, сведение субъекта государственной собственности к абстрактному обществу-лицу, народу-лицу, а уж тем более к совокупности всех членов общества бессодержательно, есть отвлечение от того, без чего объективный предмет перестает быть самим собой. Определяющая черта государственной формы собственности заключалась в ее непосредственном соединении с политической властью, которая, в свою очередь, естественным образом опиралась на все специфически государственные институты. Государство же не было и не могло быть общенародным, ибо общенародное

государство логически есть само себя упраздняющее понятие. Для того чтобы государство и все общество как субъекты отношений собственности совпадали, а государственная собственность была бы тождественной общенародной, необходимо соблюдение нескольких совершенно недостижимых условий: государство должно точно отражать интересы общества в целом; государство должно точно учитывать и реализовывать не только совпадающие интересы, но и экономически и социально дифференцированные интересы различных слоев и групп; государство должно обеспечить вовлечение в эффективный оборот всего экономического потенциала, особенно местных (как правило, весьма специфических) ресурсных возможностей.

Органы государственной власти и управления непосредственно выражали специфические интересы политически господствующих слоев и как таковые совершали действия, направленные на сохранение и укрепление существующей политической системы и положения, которое занимали руководители государства. Политическая власть и политический интерес были непосредственно соединены с юридической властью и материальным интересом. Поэтому практически владение, пользование и распоряжение имуществом не отделялись от осуществления политической власти и реализации политического интереса. С учетом же того, что экономический интерес и политический интерес относительно самостоятельны, нередко были случаи, когда государство, как субъект собственности отражало не столько экономические, сколько политические интересы и отношения. Заметим, кстати, такое принципиальное положение было одной из причин наличия некоторых противовесов коррупции, когда объективно предопределенный коррупционный потенциал государственной собственности все же находился в некоторых

политически (и, естественно идеологически) очерченных границах. (Неплохой иллюстрацией данного тезиса могут служить периодически вспыхивающие антикоррупционные "разборки" в Китайской Народной Республике).

В советской экономической системе отсутствовало верховенство закона в регулировании всех сфер жизни. Реальной являлась власть, ставящая себя выше закона. И если к сегодняшней власти предъявляются такие же претензии, не будем забывать о настоящих истоках этого феномена.

Норма правового общества состоит, как известно, в верховенстве закона, которое осуществляется через административную и/или главным образом контрольную деятельность. Отсутствие нормы ведет к тому, что доминирующей является власть самой конторы, выражающая не законную норму, не интерес законодателя, а интерес конторы, часто противопоставленный закону, либо "подогнавшей" закон под себя. Способов подгонки было выработано немало: от общей декларативности принимаемых законов и туманности формулировок до облечения закона в форму внутриведомственной инструкции. То, что в правовом обществе было и есть исключением из правил, может существовать лишь неформально, должно прятаться от общественного внимания, в советском обществе — власть над законом — правило, существовало как фактический, как легитимный принцип государственного строя, афишировалось как естественное и неотъемлемое свойство системы управления. В реальной действительности указанный принцип государственного строя приобретал совершенно конкретные формы администрирования и командования, узурпации управляющими всех распорядительных функций, тотальной регламентации и запрети-тельства, вседозволенности и произвола, неподсудности управляющих и факти-

ческого бесправия, запуганности, социальной разобщенности и политической пассивности управляемых. Все это предопределяло широкое распространение и глубокое проникновение в сознание паразитических и вообще асоциальных явлений. Здесь во всей полноте проявлял себя реальный механизм отчуждения народа от власти. Уместно будет подчеркнуть, что проблема отчуждения имеет принципиальное значение в контексте всей коррупционной и антикоррупционной проблематики. Ведь коррупция питается не только и не столько слабостью и дезорганизацией механизмов государства, как принято сегодня считать, но и, прежде всего, как раз отчуждением народа от власти.

Феномен отчуждения существовал в советском обществе изначально, хотя длительное время находился за рамками научных дискуссий. Между тем состояние отстранения, которое вело к многообразным отрицательным последствиям экономического, психологического и нравственного характера выражалось метафорой – *производство без потребления и потребление без производства*. Не сомневаясь в первостепенной роли экономического статуса или положения отдельного человека в системе собственности в осмыслении причин отчуждения, обратим внимание на несколько иной аспект. Если диалектические связи и отношения между внешним бытием и внутренним миром человека нарушаются и рвутся, если между желаниями индивида и возможностью их реализации образуется непреодолимая пропасть, если законные ожидания и оправданные намерения личности разбиваются о неприступную стену бюрократических предписаний, то отчуждение становится фактором, подрывающим нравственные устои жизни людей и порождающим их деструктивные наклонности. Все это в полном объеме проявило и продолжает

проявлять себя на всех трансформационных этапах.

Обратим внимание еще на одну, давно существующую проблему, которая неразрывно связана с коррупцией, входит в ее корневую систему – теневую экономику. В советской экономической системе теневая экономика была столь же реальна и масштабна, сколь и не изучена экономической наукой. “Теневые” хозяйственные процессы обнаруживались при любом ракурсе экономического анализа – будь то фаза воспроизводства или подсистема хозяйственного механизма, отраслевой или функциональный аспекты, а вот экономическая наука первые робкие попытки исследования предприняла лишь в конце 80-х годов [5, 45-53]. Конечно, тому были свои причины, но ущерб от явной “недоисследованности” сущности и механизмов теневой экономики масштабно проявился в ходе решения задач практического реформирования как позднесоветского, так и постсоветского периода. *Правила и мотивы поведения, представления о конкуренции и экономической эффективности, нравственные установки*, которые десятилетиями складывались в условиях практически полной несвободы в таких наиболее развитых “теневых” сферах, как незаконная производственная (индивидуальная и артельная) деятельность и “черный рынок”, *были в полном объеме перенесены в зарождающуюся систему рыночного хозяйства Украины* и продолжают оказывать вполне серьезное влияние на процесс дальнейших преобразований. Придется также подчеркнуть и роль организованной экономической преступности советских времен, характерными чертами которой были: единые нормы группового поведения, иерархия руководства, формирование централизованных денежных фондов, *отлаженная и адаптивная система нейтрализации социального контроля*.

Таким образом, советской экономической системой был создан грандиозный коррупционный потенциал, который, при условии ликвидации существующих, хоть и значительно ослабевших к моменту распада Советского Союза противовесов и ограничений, мог в полной мере реализоваться. Так оно, собственно, и произошло. Не ставя перед собой задачи специального анализа происходивших в начале 90-х годов событий, замечу лишь, что наряду с объективной неизбежностью масштабных трансформационных потрясений, *«перестройка является более глубокой политической и экономической трансформацией, чем ведение войны»* [6, 65], - были допущены колоссальные ошибки и просчеты, как союзным руководством, так и руководителями возникшего украинского государства. С точки зрения исследуемой проблемы, самыми пагубными оказались просчеты в нейтрализации дисфункций рынка.

Тезис о том, что рыночная экономика *экономически* эффективнее всех мыслимых форм социализма, сегодня приобрел значение прописной истины. Вопрос же о моральных преимуществах рыночной экономики не имеет однозначного ответа. Дискуссия на эту тему была бы весьма полезной нашей экономической науке.

Успешно справляясь с функцией эффективного распределения ограниченных экономических ресурсов, рынок, тем не менее, имеет внутренне ему присущие, неустраняемые дисфункции, которые в экономической литературе могут называться изъянами, провалами, несовершенствами. Дисфункции могут быть: а) сугубо экономическими; б) в определенной степени «пограничными», т.е. обнаруживающими себя на стыке экономических, социальных или политических процессов; в) не имеющими прямого отношения к экономике, но, в любом случае, способными побуждать

субъектов рынка принимать неоптимальные или нежелательные для общества решения.

Кратко рассмотрим некоторые дисфункции рынка через призму их возможного влияния на формирование условий для коррупции.

Отсутствие внутренних механизмов, противодействующих тенденции к монополизации и ограничению конкуренции. Между тем, конкуренция – это *«самый грандиозный и гениальный инструмент разоружения власти в истории, ибо достигнутые позиции власти снова и снова ведут или грозят разрушениями и поэтому власть, т.е. зависимость индивидов от власти и мушкетеров, будет дисциплинирована»* [7, 215].

Недостижимость полноты информации. Эта дисфункция может иметь несколько следствий в интересующем нас контексте. Во-первых, субъект рынка может получить преимущество благодаря доступу к эксклюзивному источнику информации, получению информации раньше конкурентов и иными способами, не связанными с вложением экономических ресурсов. Ведет это к тому, что определенная часть информации реализуется на нелегальном рынке посредством установления коррупционных отношений и/или экономического шпионажа. Во-вторых, монопольное владение значимой информацией предоставляет ее владельцу шанс использовать такую информацию в ущерб контрагенту без ведома последнего. К примеру, по некоторым оценкам от 10 до 20% всех медицинских процедур вовсе не обязательны. Не менее яркие примеры могут быть приведены из жизни финансовых пирамид.

Неспособность рынка устранить внешние эффекты (экстерналии), т.е. дополнительные выгоды или издержки, возникающие как побочный эффект от деятельности других лиц или организа-

ций. Особенностью экстерналий, несущей "коррупционный заряд", является то, что они не являются результатом деятельности тех, кто их получает, и ведут к явному или скрытому присвоению (использованию) какого либо ресурса без соответствующей компенсации.

Неспособность рынка обеспечить социально приемлемые границы неравенства. Как известно, рыночный механизм нейтрален к существующим в обществе социальным требованиям и морально-нравственным нормам и каких либо ограничений в дифференциации доходов и имущества сам по себе не предполагает. Высокий же уровень дифференциации доходов служит почвой для оценки системы распределения как заведомо несправедливой, что, в свою очередь, является основой морального самооправдания для имущественных правонарушений и коррупционных проявлений.

Неустранимость проблемы "фрирайдера" (безбилетника) – бесплатного пользователя общественными благами. Рынок, сам по себе, не способен инициировать производство общественных благ – общедоступной инфраструктуры, экологического и правопорядка, национальной обороны и т.п., в то время как эти блага потребляются всеми членами общества, независимо от степени индивидуальной компенсации. Функцию производства общественных благ берет на себя государство, которое мобилизует средства потенциальных потребителей посредством системы налогообложения. Следовательно, в реальной экономической практике проблема "фрирайдера" приобретает форму уклонения от налогов и других обязательных платежей. В этом смысле оказываются бессильными и моральные мотивы отдельных людей – если кто-то полагает себя морально обязанным внести свой вклад в создание общественного блага он окажется в позиции незащищенности от эксплуатации

другими людьми, свободными от подобных моральных мотивов. Проблема может быть значительно усложнена неэффективностью системы налогообложения и слабостью государственных институтов.

Мы снова и снова сталкиваемся с проблемой моральных качеств рыночной экономики и становится очевидным, что без ее научного осмысления невозможно найти эффективные инструменты и методы противодействия коррупции. Представляется, что наиболее убедительным и плодотворным является следующий тезис – "моральное качество современного общества нужно программно искать не в непосредственных мотивах действий, а в институциональных механизмах, которые выступают в конкретных экономических действиях не как мотивы, а как ограничения - наподобие правил игры в футболе". Кроме того, рынки могут функционировать только с системной предпосылкой политического порядка, или, другими словами, политический порядок системно предшествует рынку [7, 213, 219]. Последнее утверждение правомерно рассматривать по меньшей мере с двух сторон. Во-первых, совершенно в общем смысле, когда политическим порядком может быть только демократия как универсальный принцип человеческого существования со всеми присущими ей (совершенными и несовершенными) атрибутами. Во-вторых, смысл политического порядка можно искать в политике как практике, оперируя такими понятиями, как: политические цели, политические действия, политический процесс, политическая воля, политические нормы, институты и процедуры. В контексте общей задачи противодействия коррупции в Украине главенствующая роль сегодня принадлежит политической воле.

Не имея возможности в рамках настоящей статьи проследить, как раскручивался маховик коррупции после кру-

шения советской экономической и политической системы, попытаемся оценить существующий инструментарий для исчисления уровня коррупции, тем более, что сообщений о занимаемом Украиной месте по этому неприятному показателю среди прочих стран мира появляется все больше и больше.

Необходимо сразу же подчеркнуть, что кроме субъективного восприятия, которое по самой своей природе не может быть объективным, не существует иного способа получения информации о коррупции, который удовлетворял бы требованиям приемлемой достоверности и межгосударственной сопоставимости. Коррупцированная бюрократия властная, умная, образованная и богатая. Латентность действий – предмет особой ее заботы. Поэтому ни в одной стране мира нет сколько-нибудь полных или хотя бы репрезентативных данных о коррупции, еще меньше лиц, признанных виновными в коррупционных деяниях и понесших соответствующее наказание.

Попытки найти некий универсальный способ “померить” коррупцию пока что успеха не имели. Сейчас уже ясно, что сравнительные исследования коррупции на основе сопоставления статистических данных из государственных источников не способны сами по себе удовлетворить исследовательский и практический интерес. Во-первых, законодательство различных стран по разному трактует понятие коррупции, что ведет к неоднозначному пониманию самого явления и делает более коррупцированные те страны, где коррупция определяется шире. Во-вторых, коррупцированность оказывается выше в тех странах, где успешно ведется борьба с ней и, следовательно, государственные статистические данные фиксируют большое количество случаев коррупцированности в отличие от тех стран, где о коррупции предпочитают молчать. В-третьих, в перечне официальных информационных источников значатся

практически лишь правоохранительные органы с их специфическим набором информации, в то время, как определенного источника информации об экономическом эффекте коррупционных деяний, так сказать отчетности соответствующих субъектов не существует.

Таким образом, мы вынуждены сталкиваться не с данными о явлении, как таковом, а лишь с восприятием коррупции, не с измерением практики, а с измерением мнения. Но, справедливости ради, стоит заметить, что выработанные за последние годы методики, масштаб деятельности многих уважаемых международных организаций и степень доверия к ним, позволяют совершенно серьезно относиться к результатам их исследований. Разнообразие используемых характеристик (социологические исследования, экспертные оценки, интегральные индексы), жесткие требования к источникам данных, приоритетность регулярно проводящихся исследований перед однократными, стремление к высокой степени корреляции между источниками – достаточные аргументы в пользу сказанного.

Во всем многообразии сравнительных исследований коррупции обратимся к двум, с нашей точки зрения, наиболее солидным и заслуживающим доверия. Во-первых, это – интегральный индикатор “Индекс восприятия коррупции” (“Corruption Perceptions Index”), разработанный специалистами Transparency International, который обеспечивает ранжирование государств по уровню совокупной коррупцированности и охватом от 90 до 99 стран (в 2001 году – 91 страна). Во-вторых, это экспертное исследование “Индекс экономической свободы” (“Index of Economic Freedom”), проводимое Heritage Foundation, где учитывается влияние коррупции на экономические процессы с охватом 161 страны.

Ниже приводятся данные “Индекса восприятия коррупции” (ИВК) за 2001

год по Украине и странам, являющимися непосредственными нашими соседями (см. таб. 1). Для ИВК принята шкала от 0 до 10, где 10 может означать полное отсутствие коррупции. Верхнюю строчку с показателем 9,9 занимает Финляндия,

последнее, девяносто первое, место занимает Бангладеш с показателем 0,4. Среди соседей Украины, к сожалению, отсутствуют данные по Беларуси, так как эта страна не вошла в объект исследования Transparency International.

Таблица 1

Transparency International “Индекс восприятия коррупции” (ИВК)

№ п/п	Место страны в общем рейтинге	Страна	ИВК
1	31	Венгрия	5.3
2	44	Польша	4.1
3	51	Словакия	3.7
4	63	Молдова	3.1
5	69	Румыния	2.8
6	79	Россия	2.3
7	83	Украина	2.1

Теперь обратимся к Индексу экономической свободы (ИЭС). Для его создания используются самые разнообразные источники как правительственного происхождения, так и отчеты неправительственных организаций, международные и национальные опросы общественного мнения и так далее. Информация о состоянии страны получается не только от резидентов этой страны, но так же из внешних источников, что повышает объективность оценок. Каждая страна получает итоговую оценку экономической свободы, являющуюся усредненным значением баллов 10 факторов. Каждый фактор оценивается по уникальной оценочной шкале, в соответствии с которой, качественные или количественные данные переводятся в значение баллов от 1 до 5. Значение 1 соответствует наиболее благоприятным условиям, а 5 – наименее благоприятным. Итоговая числовая оценка экономической свободы лежит в основе отнесения государства к категориям экономической свободы.

Таких категорий для государств в рассматриваемом исследовании четыре:

Свободное (Free) – государства со средним значением 1,95 или ниже;

В целом свободное (Mostly Free) – государства со средним значением от 2,00 до 2,95;

В целом несвободное (Mostly Unfree) – государства со средним значением от 3,00 до 3,95;

Несвободное (Repressed) – государства со средним значением 4,00 и выше.

Познакомившись с факторами, которые приводятся ниже, можно оценить степень их “заряженности” коррупционной составляющей и попытаться вывести усредненные значения по меньшему числу факторов.

Фактор № 1 – торговая политика. Характеристики:

средняя тарифная ставка
нетарифные барьеры, т.е. импортные квоты, лицензирования и пр.
коррупция в таможенной службе.

Фактор № 2 – налоговое бремя. Характеристики:

наибольшая ставка подоходного налога

ставка налога, с которой работает большинство налогоплательщиков

максимальная ставка налога на имущество предприятий

государственные расходы (% от ВВП)

Фактор № 3 – государственное вмешательство в экономику. Характеристики:

государственное потребление как доля экономики

государственная собственность в сфере услуг и в производстве

доля государственных доходов, поступающая от государственной собственности и деятельности государственных организаций

объем государственного производства

Фактор № 4 – государственная политика в сфере обращения. Характеристики:

средний уровень инфляции за ряд лет.

Фактор № 5 – капитал и иностранные инвестиции. Задачей является определение общего инвестиционного климата. Характеристики:

кодекс законов об иностранных инвестициях

ограничения на покупку компаний иностранными инвесторами

ограничения для отраслей, открытых иностранным инвестициям

ограничения и требования к иностранным компаниям

земля в иностранной собственности

равное отношение к иностранным и местным компаниям со стороны закона

запрет на вывоз капитала

доступность местных источников финансирования для иностранных компаний

Фактор № 6 – банковская сфера.

Характеристики:
государственные банки
ограничение на открытие отделений иностранных банков

влияние государства на размещение кредитов

государственный контроль
свобода предлагать все виды финансовых услуг

Фактор № 7 – контроль над зарплатами и ценами. Характеристики:
законодательное регулирование минимальной зарплаты

возможность свободно назначать цену

государственный ценовой контроль
степень использования государственного контроля над ценообразованием
государственное субсидирование цен

Фактор № 8 – права собственности. Характеристики:

независимость судебной системы от государственного влияния

коммерческий кодекс, регулирующий отношения по контрактам

санкционирование иностранного арбитража по контрактным спорам

экспроприация собственности государством

коррупция в судебной системе
задержки в вынесении судебных решений

легально представляемая и защищаемая законом частная собственность

Фактор № 9 – регулирование. Характеристики:

требования лицензирования бизнеса
простота получения лицензии

коррупция в административных структурах

регулирование труда – рабочая неделя, оплаченные отпуска, отпуска по уходу за детьми и пр.

безопасность окружающей среды, потребителей и работников

другие типы обременения бизнеса

Фактор № 10 – черный рынок. Характеристики:

контрабанда
пиратство в области интеллектуальной собственности

сельхозпродукция, поставляемая на черный рынок

промтовары, поставляемые на черный рынок

услуги, предоставляемые на черном рынке

услуги по перевозкам на черном рынке

трудовые ресурсы на черном рынке.

Первую строчку в ИВК за текущий год занимает Гонг Конг с показателем 1,35, упоминавшаяся Финляндия находится на 14 месте с показателем 1,95. Данные по Украине и ближайшим ее соседям представлены в таблице №2.

Не предлагая специального комментария к приведенным сведениям, заметим лишь в заключение, что сложившаяся в Украине ситуация *исключительно опасна*, и с точки зрения инвестиционных перспектив, и с точки зрения социально-экономической стабильности, и с точки зрения восприятия нашим обществом сформировавшихся в цивилизованном мире этических норм экономического мышления и предпринимательского поведения, и с точки зрения национальной безопасности, наконец.

Таблица 2

Heritage Foundation "Индекс экономической свободы" (ИЭС)

№ п/п	Место страны в общем рейтинге	Страна	Общий индекс	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1	32	Венгрия	2.40	2.0	4.5	1.0	3.0	2.0	2.0	2.0	2.0	3.0	2.5
2	45	Польша	2.70	2.0	4.5	2.0	3.0	2.0	2.0	3.0	2.0	3.0	3.5
3	60	Словакия	2.90	2.0	4.5	3.0	3.0	2.0	2.0	3.0	3.0	3.0	3.5
4	105	Молдова	3.35	3.0	3.5	2.5	5.0	3.0	3.0	3.0	3.0	4.0	3.5
5	131	Румыния	3.70	3.0	4.0	3.0	5.0	3.0	4.0	3.0	4.0	4.0	4.0
6	131	Россия	3.70	4.0	3.5	2.5	5.0	3.0	4.0	3.0	4.0	4.0	4.0
7	137	Украина	3.85	3.0	4.5	4.0	5.0	3.0	4.0	3.0	4.0	4.0	4.0
8	148	Беларусь	4.35	3.0	4.0	4.0	5.0	4.0	4.0	5.0	4.0	5.0	5.0

Список литературы

1. Мельник М. Антикорупційна діяльність в органах державної влади та її наукове забезпечення. // Право України. – 2000. - № 3.

2. Лунеев В.В. Коррупция: политические, экономические, организационные и правовые проблемы. Тезисы доклада на международной конференции о коррупции 9-10 сентября 1999г. // Государство и право. – 2000. - № 4.

3. Мельник М.І. Корупція: сутність, поняття, заходи протидії. - К.: Атіка, 2001.

4. Рада Європи та боротьба з корупцією. Збірник документів. / Упорядник Букалов О. – Донецьк: "Донецький меморіал", 2001.

5. Экономические науки. – 1989. - № 8.

6. Как сделать рубль конвертируемым? По материалам международного конкурса на лучшую работу по конвертируемости рубля (Москва - Вашингтон). – М.: Финансы и статистика, 1990.

7. Политическая и экономическая этика / Пер. с нем. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2001.